

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Сыскари

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

**Леонов, Николай Иванович,
Макеев, Алексей Викторович.**

Л47 Сыскари / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Русский бестселлер.
Избранное).

ISBN 978-5-04-094079-0

Дерзкое ограбление выставочного центра поставило оперативников в тупик. Вооруженные налетчики украли алмаз «Глаз Будды» стоимостью в несколько миллионов долларов, не оставив никаких следов. Но знаменитый сыщик Лев Гуров так не считает. От места преступления всегда тянутся невидимые нити к преступнику, надо только их нащупать. И вот уже под подозрением охранник центра — он связан с бывшими гонщиками из автошоу. Но когда Гуров вышел на их след, оказалось, что из них в живых остался только один. Он признался, что когда они выступали в Австралии, то познакомились с одним человеком, который предложил украсть алмаз. И этот человек уже в Москве...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094079-0

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Сыскари

Глава 1

Телефонный звонок в вестибюле выставочного центра прозвучал в четыре часа утра. Кроме охраны, нанятой в агентстве «Триггер», имеющем, кстати, отличную репутацию, в здании в этот час никого не было. Стояла удивительная тишина — ни ветра, ни шума машин. За морозными окнами виднелось черное небо с пригоршней сухих звезд. Отсвечивал матовым блеском надраенный паркет. Высокие, украшенные лепниной потолки тонули в полумраке. Мелодичный и приглушенный звук телефона показался охраннику противным, точно визг бензопилы.

Расслабившись и широко расставив сильные ноги, он сидел в низком кресле, где надеялся спокойно просидеть как минимум еще часа два, и мечтательно пялился на гладкую, безо всяких украшений стену — должно быть, думал о чем-то своем, приятном. Телефон все испортил.

Пришлось встать, пройти несколько шагов до аппарата, снять трубку. Из коридора появился заинтригованный напарник, остановился с выжидательным видом на пороге.

— Чего там, Тимофеев?

Поименованный Тимофеевым, не оборачиваясь, пожал могучими плечами и сосредоточился на звонке. Уверенный мужской голос — ни следа утренней сонливости — произнес:

— Это выставочный центр «Северное сияние»?

— Ну! — угрюмо сказал Тимофеев. — А что за проблемы?

— Проблемы у вас, — заботливо сказал голос в трубке. — Слушайте меня внимательно. Довожу до вашего сведения — в здании центра заложено взрывное устройство. Подробности мне неизвестны, если именно они вас интересуют. Но у вас ведь завтра открытие?

— Уже сегодня, — растерянно буркнул Тимофеев, покосившись на часы.

— Уже сегодня, — многозначительно повторил голос и отключился.

Тимофеев озадаченно повертел зажатую в кулаке трубку и оглянулся. Неслышно подошедший напарник с любопытством указал на телефон.

— Кому не спится в ночь глухую? — спросил он со смешком.

— Давай, Бакланов, сюда Савельича! Срочно! — злым от растерянности голосом сказал Тимофеев.

Напарник стер с лица улыбку и почти бегом направился к двери. Через минуту он вернулся, но уже не один — с ним был сам начальник охраны Григорий Савельевич Деев, отставной полковник спецназа, очень высокий и физически сильный человек. В отличие от своих подчиненных, наряженных в пятнистый камуфляж, Деев был облачен в дорогой гражданский костюм и смотрелся щеголем. У него были редкие, зализанные назад волосы и серые злые глаза.

Сейчас эти злые глаза, не мигая, уставились на Тимофеева.

— Что случилось? — отрывисто спросил Деев.

Охранник развел руками.

— Позвонил какой-то хрен, — виновато сказал он. — Сообщил, что у нас здесь бомба, Савельич.

— Ни фиги себе! — ошарашенно выдохнул Бакланов. — Может, шутка?

— Отставить базар! — рывкнул на него Деев и дернул подбородком. — Докладывай толком, Тимофеев, кто звонил?

— А я знаю? — обиделся охранник. — Мужик какой-то. Голос незнакомый. Сказал — в здании взрывное устройство. Подробностей, говорит, не будет. И еще это... намекнул, что завтра открытие. Вот и все.

— Твою мать! — с расстановкой проговорил Деев. — В здании камней на миллионы. Утром тут вся Москва будет, иностранцы... Вот не было печали!..

— Может, все-таки пошутил кто-то? — с надеждой повторил Бакланов.

Деев уничтожающе смерил его взглядом.

— И что ты предлагаешь? Вместе посмеяться? — спросил Деев. — Мне лично не смешно.

Бакланов смущенно пожал плечами:

— Я думал, если это не шутка... У нас ведь минеров нет. Вызывать будем?

Деев сморщил лицо в огромной досаде.

— Вызывать! Сигнализацию отключать! А драгоценности? Наниматели с нас шкуру спустят! Не дай бог пропадет что-нибудь... Вот ведь повезло, черт возьми! — Он обернулся к Тимофееву и отрывисто уточнил: — О сроках взрыва ничего не говорили?

— Да ни слова больше не сказал! — с обидой откликнулся охранник. — Ни сроков, ни требований, ничего! Разве бы я забыл, Савельич?

— Ну ладно! Чему быть, того не миновать, — решил Деев. — Наше дело — прокукарекай, а там пусть хоть не рассветает. Пойду звонить хозяевам — пусть решают, что делать. А вы тут повнимательнее!..

Деев удалился в комнату, которая предназначалась для отдыха охраны, и позвонил. В течение получаса все заинтересованные лица уже были в центре — директор «Северного сияния» Туманов, ответственный распорядитель ювелирной выставки Сошник и Барри Стоковски, представитель австралийской ювелирной фирмы «Даймонд Филдс», которая считалась главным организатором выставки. Вместе с начальником охраны они закрылись в кабинете директора и принялись искать вы-

ход из создавшейся ситуации. Все сильно нервничали, и разговор велся на повышенных тонах.

— Вы тут все с ума посходили, что ли? — с места взвился Сошник. — Знаю я эти дела! К девяти утра тут пол-Москвы соберется, денежные тузы, элита, от мэрии представителя ожидаем, а вы тут учения предлагаете организовать! Голову даю на отсечение — никакой бомбы и в помине нет!

— Воля ваша, Владислав Тимофеевич, — возразил ему Туманов. — Ваша голова — ваше личное дело, а речь как раз о безопасности этой самой элиты и идет! Представляете, что будет, если бомба все-таки рванет, когда тут пол-Москвы соберется? Одной головой не отделаетесь, уважаемый! — Туманов был красен от волнения, из-под безвкусного сиреневого пиджака по-купечески выглядывала золотая цепочка от карманных часов. — А обо мне вы подумали? Здание старинное, памятник архитектуры — тоже бриллиант в своем роде. В прошлом месяце евроремонт только закончили — шутка ли! Не-ет, рисковать в подобной ситуации просто преступно!

Сошник ткнул в него пальцем и торжествующе объявил:

— Вот! Вот где она, собака, зарыта! Вы ведь тоже о себе в первую очередь думаете, милейший Венедикт Сергеевич! Даже граммом рисковать не хотите, чтобы, не дай бог, не прогадать. Отлично вас понимаю. Но и вы меня поймите! Я-то с какой рожей буду перед шефом отчитываться? Извините, мы тут решили в войну поиграть — поэтому мероприятие откладывается. А уж за убытки не обессудьте...

— М-да, убытки... — задумчиво произнес австралиец, вынимая изо рта трубку без табака, которую всюду таскал с собой, потому что так было легче отвыкнуть от курения.

Все настороженно посмотрели на него. Барри Стоковски был здесь как-никак центральной фигурой. Мероприятие почти полностью финансировалось его фирмой, и контракт был составлен так хитро, что счет

за возможные убытки «Даймонд Филдс» при желании могла выставить астрономический. Кто же мог себе представить, что какой-то идиот полезет в центр с этой бомбой? То есть представить в принципе было несложно — взрывы давно стали повседневной реальностью, — но, как говорится, русский мужик задним умом крепок. Теперь кому-то предстояло ответить за подобную нерасторопность, но отвечать никому не хотелось.

Поэтому все с тревогой ждали, что скажет этот чертов Стоковски. А он между тем молчал — невозмутимый, белозубый, спортивный, в элегантном сером костюме, в узких матовых очках на холеном носу. Боялся обронить хотя бы слово, хотя говорил по-русски чисто, почти без акцента. Перекладывал решение на плечи хозяев.

— Да вот хоть спросите у профессионала! — нашелся Туманов, кивая в сторону Деева. — Что скажет начальник охраны?

— А что он скажет? — с презрением отозвался Сошник. — Прошляпили, выходит, террориста — охрана называется!

Деев сжал тяжелые кулаки и мрачно посмотрел на присутствующих.

— На глупости отвечать не буду, — сурово сказал он. — А касательно возможного взрыва скажу однозначно — меры принимать нужно. Чтобы потом не кусать локти. Ну, отложите выставку на день. Все эти убытки — ничто по сравнению с тем, что может случиться.

— Да вам-то что! — недобро рассмеялся Сошник. — Вам-то платить не придется. Вы еще и получить рассчитываете за так называемую охрану. А я полагаю так: раз проворонили злоумышленника — отвечайте по полной программе!

— Кто за что будет отвечать — потом разберемся, — быстро сказал Туманов, беспокойно поглядывая на Стоковски. — Сейчас нужно решение принимать. Лучше МЧС вызвать — они побыстрее и закончат. Может, даже до открытия успеют.

— Как же! — саркастически возразил Сошник. — Такое здание за два часа не осмотришь. Считайте, что торжественное открытие накрылось медным тазом. А захочет ли после этого кто-то вообще сюда явиться — это уже большой вопрос!

Туманов развел руками и беспомощно посмотрел на австралийца, который продолжал невозмутимо сосать пустую трубку. Директор центра понимал, что во многом Сошник прав и всех их ждут самые неприятные последствия, но ему хотелось, чтобы последнее слово осталось все-таки за иностранцем. Из своего опыта он знал, что иностранцы редко отказываются от своих слов, а это будет иметь немаловажное значение, когда полетят головы.

— С русскими всегда какие-то неожиданности, — изрек наконец Стоковски. — Мы имели меньше проблем в Африке.

— Да что Африку поминать! — с кислой гримасой воскликнул Сошник. — У нас тоже все пройдет нормально — вот увидите! А что касается всех этих страхов — обычные заморочки. Вы не представляете, господин Стоковски, сколько ложных звонков о подброшенных бомбах получает ежедневно милиция!

— Думаю, что много, — сказал австралиец. — Но это не имеет никакого значения. В моей стране привыкли относиться серьезно к любому подобному звонку.

— В нашей стране то же самое! — с энтузиазмом воскликнул Туманов. — Я уверен, что и между нами здравый смысл возьмет верх. Пускать это дело на самотек ни в коем случае нельзя. И если выяснится, что звонок ложный, мы только вздохнем с облегчением...

— Это вы вздохнете с облегчением, — ядовито заметил Сошник. — Между прочим, если пускать сюда минеров, значит, отключать полностью сигнализацию. Ваша охрана в состоянии обеспечить безопасность выставленных экспонатов? Это ведь не черепки какие-то, а уникальные драгоценности, уважаемый!

— Почему же нет? — с вызовом сказал Туманов и обернулся за поддержкой к Дееву. — Григорий Савельевич, вы что скажете?

— Что я скажу? — мрачно отрубил начальник охраны. — Ситуация сложная. Как профессионал, сто процентной гарантии дать не могу. Площади большие, экспонатов в каждом зале не менее сотни. Хотя, если честно, не думаю, что минеры сразу примутся чистить витрины... Впрочем, можно вызвать людей дополнительно. Но на это потребуется время...

— Я тоже не думаю, что минеры начнут чистить витрины, — вдруг сказал невозмутимый Стоковски. — Но для «Глаза Будды» нужна отдельная охрана. И немедленно вызывать спасателей. Я настаиваю, — он сунул в рот пустую трубку и строго посмотрел через очки на Сошника.

Тот развел руками и пробормотал:

— Вызывайте хоть черта! Только я умываю руки.

— Это ваше право, — радостно пробормотал Туманов, выбираясь из-за стола. — Вы еще скажете мне спасибо... Итак, я немедленно звоню в МЧС, в милицию — куда еще?.. А господин Деев снимет здание с сигнализации и обеспечит пост у «Глаза Будды».

— Минеры потребуют, чтобы здание было очищено до последнего человека, — мстительно заметил Сошник.

— Ну уж это извините! — гордо мотнул подбородком Туманов. — У нас тут не выставка мягкой игрушки. В контракте охраны прописан пункт о необходимом риске. А с минерами мы договоримся...

Через минуту сигнал о заложенной в здании бомбе поступил на пульт дежурного МЧС и в диспетчерскую службу МВД, а Деев приступил к отключению сигнализации по всему зданию. В его распоряжении на этот час имелось десять охранников, и двоих из них — тех, кому более всего доверял, — он оставил в особой комнате на втором этаже, где располагался единственный экспонат — уникальный и неповторимый бриллиант «Глаз

Будды». Комната была глухой — без окон и с единственной стальной дверью, запиравшейся на специальный замок с электронным кодом. Легендарный бриллиант был главным сюрпризом коллекции, стоил миллионы, и Стоковски скорее согласился бы потерять свой глаз, чем этот камень. Отдельное помещение с повышенной степенью защиты было первым условием контракта.

Деев очень сомневался, что есть необходимость осматривать это помещение, потому что, по его мнению, именно сюда террористы не могли пробраться ни при каких обстоятельствах. С того момента, как «Глаз Будды» воцарился в этой комнате, с нее буквально не спустили глаз. Но теперь наниматели, запугавшие обоюднo друг друга до икоты, требовали проверки всех помещений без исключения. Оставалось подчиняться.

Организаторы выставки и в самом деле были напуганы изрядно — не столько угрозой взрыва, сколько неизбежными издержками, связанными с этой угрозой и ударяющими по ним лично. Более других негодовал Владислав Тимофеевич Сошник. Акционерное общество «Алмазная грань», где он являлся одним из коммерческих директоров, вложило немалые средства в организацию выставки драгоценных камней — не из беззаветной любви к искусству, разумеется, — прибыль подразумевалась в первую очередь. Австралийские ювелиры платили посреднику хорошие деньги, но, естественно, в перспективе выгодных сделок. А какие, к черту, сделки, когда в день открытия потенциальных покупателей встретят кордоны милиции и минеры с собаками, натасканными на взрывчатку! Разбегутся все — и частные лица, и солидные фирмы. И удастся ли заманить обратно хотя бы половину — это еще бабушка надвое сказала.

Сошник был очень зол. Он даже не стал вместе со всеми дожидаться приезда спасателей. Кипя от возмущения, Сошник хлопнул дверью директорского кабинета и вышел в коридор. У него появилось острейшее желание немедленно уехать, чтобы не видеть всего

этого безобразия, и Сошнику пришлось напрячь всю свою волю, чтобы подавить этот ребяческий порыв. Он должен быть здесь, чтобы попытаться спасти хотя бы то, что возможно.

Без определенной цели он на секунду выглянул в вестибюль — двое охранников, высокие, ражие парни в униформе, хмуро прохаживались возле входных дверей. Он никогда не мог запомнить лиц этих «горилл», но, кажется, парни были те же самые, что недавно пускали его в здание.

Сошник преодолел вновь возникшее искушение выйти вон и, повернувшись, отправился наверх — туда, где сейчас без присмотра валялась буквально гора драгоценных камней. Без присмотра — это, конечно, было сильно сказано, но отключенная ранним утром сигнализация, распахнутые двери и готовность допустить в святая святых толпу посторонних — все это корбило Владислава Тимофеевича до глубины души.

Он инстинктивно заглянул первым делом в заветную комнату, где под голубоватым стеклом витрины блистал невероятной красоты алмаз, и несколько секунд любовался им, не в силах оторвать взгляда. Начальник охраны Деев, которого Сошник недолюбливал за солдафонство и излишнюю перестраховку, тоже был здесь — давал инструкции подчиненным, двум пятнистым громилам с пудовыми кулачищами. На лицах громил было написано привычное равнодушие. Они в себе ни секунды не сомневались, и им было на все наплевать. В глубине души Сошник не доверял никакой охране: он не верил, что люди способны жертвовать жизнью, спасая чужое имущество. В конечном итоге любая охрана остается в дураках. Однако совсем без охраны тоже нельзя — тебя просто не примут всерьез. Охрана — один из признаков состоятельности.

Он поймал злой взгляд Деева — взгляд офицера, внезапно обнаружившего в казарме постороннего, — и с досадой поморщился.